

Т. А. БЕРТАГАЕВ

К ВОПРОСУ О ВНУТРЕННИХ ЗАКОНАХ РАЗВИТИЯ ПОЛИСЕМИИ

(На материале сравнительно-исторического изучения монгольских языков)

Бурятский и халхаский языки¹, хотя и являются языками близкородственными, но бытуют в настоящее время как самостоятельные национальные языки, которые отличаются друг от друга прежде всего разным словарным составом.

Близость и родственная связь их заключается не только в том, что они обладают общим единым грамматическим строем, правда, с некоторыми отклонениями в частности, но и в том, что абсолютное большинство слов, входящее в корневое ядро и основной словарный фонд этих языков, является общим, если не внести поправки в отношении отдельных звуковых чередований, фонетических особенностей в части слов.

Например, следующие слова: „модо“ „дерево“, „мөр“ „след“, „үхэр“, „бык“, „наран“ „солнце“, „олон“ „много“, „гал“ „огонь“, „гар“ „рука“, толгой, „голова“, „нуур“ „озеро“, „үнэр“ „запах“, „нᠠхᠠр“ „товарищ“, „гэр“ „юрта, дом“, „газар“ „земля“, „улаан“ „красный“, „хара“ „черный“, „баяр“ „радость“, „үдэр“ „день“, „зун“ „лето“, „яваха“ „идти“, „ургаха“ „расти“, „барьха“ „держать“, „онохо“ „попасть“ и многие другие, свойственные в равной мере и бурятскому и халхаскому языкам, являются общими для обоих этих языков, и в них почти незаметны фонетические отклонения. Подобные им слова относятся к основному словарному фонду, который, как об этом говорит И. В. Сталин в своих исторических трудах о языке, «сохраняется во всем основном и используется, как основа словарного состава языка»².

Но словарный состав, в отличие от основного словарного фонда, подвижен и крайне чувствителен ко всяким изменениям в производственной или во всех других сферах деятельности человека. Эти изменения происходят почти непрерывно, не дожидаясь ликвидации базиса, и поэтому язык часто «вносит изменения в свой словарный состав до ликвидации базиса и безотносительно к состоянию базиса»³. Например, в некоторых бурятских говорах появились такие слова, как „соол“ в значении „печь“, „тура“ в значении „дом“, „мушхаха“, „эрюулхэ“, „аша-лаха“ в значении „сепарировать молоко“, „хобол“ или „дуран“ „бинокль“, „боодолго“, „сноп“ и многие другие, не на почве изменения базиса бурятских племен, а безотносительно к состоянию базиса, в связи с изменениями в их быту и с развитием хозяйственного уклада этих племен.

Одним из гениальных положений И. В. Сталина о языке является то, что язык не во всех своих звеньях развивается равномерно и не в одинаковой мере реагирует на изменения, возникшие в общественном строе.

¹ Первый обычно именуется бурят-монгольским, а второй — монгольским (язык МНР).

² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Изд-во «Правда», 1950, стр. 21.

³ Там же, стр. 20.

Например, грамматический строй языка и его основной словарный фонд сохраняются во всем существенном, несмотря на коренные переустройства общественной жизни носителей того или иного языка.

«Со времени смерти Пушкина,— говорит И. В. Сталин,— прошло свыше ста лет. За это время были ликвидированы в России феодальный строй, капиталистический строй и возник третий, социалистический строй. Стало быть, были ликвидированы два базиса с их надстройками и возник новый, социалистический базис с его новой надстройкой. Однако, если взять, например, русский язык, то он за этот большой промежуток времени не претерпел какой-либо ломки, и современный русский язык по своей структуре мало чем отличается от языка Пушкина»⁴.

Но изменения в языке все же произошли.

«Что изменилось,— продолжает И. В. Сталин,— за это время в русском языке? Seriously пополнился за это время словарный состав русского языка; выпало из словарного состава большое количество устаревших слов; изменилось смысловое значение значительного количества слов; улучшился грамматический строй языка»⁵. Итак, если грамматический строй русского языка только улучшился, то его словарный состав претерпел заметные изменения.

Но изменение словарного состава происходит на базе основного словарного фонда, который, сохраняясь во всем существенном, является почвой обогащения словарного состава и источником его видоизменения.

И. В. Сталин по этому поводу говорит следующее:

«Однако словарный состав языка изменяется не как надстройка, не путем отмены старого и постройки нового, а путем пополнения существующего словаря новыми словами, возникшими в связи с изменением социального строя, с развитием производства, с развитием культуры, науки и т. п.»⁶.

Исходя из этих положений И. В. Сталина, мы попытаемся раскрыть те изменения, которые произошли в словарном составе монгольских языков в связи с особенностями социального строя, производства и культуры носителей языка и с развитием значений отдельной группы многозначимых слов, и те последствия, которые вытекают из этого.

Но для того чтобы понять некоторые характерные черты в законах развития полисемии монгольских языков, необходимо сравнить данные тех наречий и языков, в которых более ярко вырисовывается своеобразие развития их словарного состава: это западный диалект бурят-монгольского языка, с одной стороны, и халхаский язык, легший в основу современного монгольского литературного языка, с другой, с привлечением некоторых данных из восточного бурятского наречия, как наречия, занимающего в этом отношении промежуточное положение между ними.

Улат || улас || улус

Слово „улат“ в наречии западных бурят, да и в бурятском языке в целом, означает „люди“, а иногда, особенно в парном сочетании со словом „зон“ — „улад зон“ — выступает в значении „народ“. В халхаском языке, следовательно в монгольском, в своей соответствующей фонетической разновидности „улас||улус || улс“ выступает не только в значении „люди, народ“, но и „государство, держава“⁷. Историю возникно-

⁴ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Изд-во «Правда», 1950, стр. 7.

⁵ Там же, стр. 7.

⁶ Там же, стр. 21.

⁷ К. М. Черемисов и Г. Н. Румянцев, Монгольско-русский словарь, Л., 1937 и А. Р. Ринчинэ, Краткий монгольско-русский словарь, под редакцией проф. Г. Д. Санжеева, М., 1947.

вения в этом слове последних двух значений подробно и с превосходным знанием фактического материала прослеживает акад. Б. Я. Владимирцов в своем известном труде «Общественный строй монголов»⁸. Он пишет по этому поводу следующее: «У древних монголов и всякое объединение родов, поколений, племен, рассматриваемое с точки зрения зависимости от вождя, „хаана“, „нояна“, „тайши“, „баатура“ и т. д., называлось *ulus*, то есть „народ — владение“. „народ — удел“. Напр., „тайчиуты, рассматриваемые как ряд кровно родственных „кланов“ — родов, представляют собой *igen*, то есть „поколение“ или „племя“. Но те же „тайчиуты“, даже часть их, объединенная под предводительством, напр. Таргутай — Кирилтуха, является уже *ulus*, т. е. „народом — уделом“, „улусом“ названного предводителя. Ввиду этого, слово *ulus* может быть переводимо, с известными оговорками, как „удел, владение“, „... первоначальное значение слова *ulus* и есть именно „люди“. Поэтому слово *ulus* может быть передано и как „народ“, то есть „народ — удел“, „народ, объединенный в таком-то уделе, или образующий удел — владение. Впоследствии *ulus* означает уже „народ — государство“, „народ, образующий государство — владение“, „государство“»⁹.

Слово это, таким образом, в халха-монгольском языке проходит следующую эволюцию в своей семантике: люди — народ → народ — удел → народ — владение → народ, образующий владение — государство → государство — держава. Такие изменения находятся в неразрывной связи с историей монгольского общества и с изменениями в его строе. А поскольку бурят-монголы, особенно западные, как племена, не вошедшие в состав монгольской империи и находившиеся на стадии самого раннего феодализма, не пережили в своем прошлом подобных изменений в общественном строе — не было у них ни удельных владений, ни государственного образования и ни державы — то слово „улат“ застыло в своем первоначальном значении. Только впоследствии бурят-монголами было приспособлено в значениях „государство — держава“, заимствованное из манчжурского языка слово „гүрүн“ (в манчжурском звучании „гүрүнъ“) ¹⁰, и то оно воспринимается не как „государство“ в прямом определенном значении, а как „страна — государство“¹¹, а в западнобурятском диалекте более распространенным является слово „гасудаарства“, заимствованное из русского языка.

В современном бурятском языке слово „улат“ никак не может выступать в значении „государство, держава“, как в монгольском „улас//улс“, потому что между значениями „народ“ и „государство“ в бурятском отсутствуют те необходимые звенья, которые способствовали возникновению последнего значения в монгольском.

Если в монгольском изменение значений слова „улас//улс“ от „народ“ к „государство“ проходило путем постепенного, последовательного развития, то его бурятская разнovidность „улат“ не была включена в этот

⁸ См. Б. Я. Владимирцов, *Общественный строй монголов*, Л., 1934, стр. 58, 97, 98, 99, 100, 101, 112, 115.

⁹ Там же, стр. 97.

¹⁰ То, что это слово манчжурского происхождения, доказывается тем фактом, что оно обладает более первичным значением «народ», чего нет у него в монгольском, и имеет очень много производных значений в самом манчжурском языке так же, как в современном монгольском *улас* или *улс*. Следовательно, для манчжурского языка это слово *гүрүнъ* является лексемой основного словарного фонда, а между тем слово *улс*, заимствованное в манчжурском из монгольского, не имеет никаких производных значений и употребляется только в парном сочетании с *гурунь* в значении собирательном. По словарю И. Захарова — «Полный манчжурско-русский словарь», СПб., 1875, *гурунь* «государство, царствующая династия (народ — нация)», *гуруни гисунъ* «правительственный официальный язык», *гуруни гисурэнъ* «народная речь», *гурунь боо* «царствующий дом», *гуруни бодогонъ* «государственные соображения», *гуруни эжжэнь* «государь» и т. д. В словаре В. Васильева — «Маньчжурско-русский словарь», 1866, *гурунь* «государство, народ».

¹¹ Впрочем, в том же значении употребляется и в монгольском языке.

процесс. И бурятский язык, в частности его западный диалект, чтобы передать значение „государство“, должен был воспользоваться заимствованными словами, потому что значения „народ“ и „государство“ в бурятском слове „улат“ были бы настолько далеки друг от друга, что говорящие явно почувствовали бы смысловой разрыв и отсутствие между ними преемственной связи. А без последней ни одно слово не может развернуть, усовершенствовать и изменить свое значение, так как оно в своем развитии, как и язык в целом, не терпит взрывов, и изменение содержания в нем происходит „путем постепенного и длительного накопления элементов нового качества“, т. е. в этом случае нового значения.

Интересно, что в слове „улас“ сохранились в монгольском раннее его значение „люди“ и более новое „государство“, а значения, являвшиеся посредствующими между ними, исчезли, как устаревшие. Таким образом, в своем раннем значении это слово безоговорочно относится к корневому ядру, к словам основного словарного фонда.

Однако следует отметить, что в своем новом значении оно оказалось в халха-монгольском весьма продуктивным. Например, от него образовался ряд новых значений, производных от значения „государство“. Правда, согласуясь с законом развития монгольских языков, эти значения образуются нередко в результате сочетания слова „улас“ с другими знаменательными словами, например: „улс түрийн“ „политический“, „улсын газар“ „госучреждение“, „улсын үйлэдбэри“ „государственное предприятие“, „улсын нийгэм журам“ „социализм“, „улсын худалдаан“ „госторговля“, „улс олон“ „масса, народ“, „улс нийтийн“ „общегосударственный“ и т. д.

Хамжаха, хамжалга

Глагол „хамжаха“ в западнобурятском диалекте означает „присоединиться к кому-нибудь, составлять с кем-нибудь компанию, содружество и т. д.“. Например, выражение „харгуйда хамжаба“ в буквальном переводе звучит „в пути присоединился (стал спутником, товарищем в дороге)“. В тех же значениях этот глагол существует и в монгольском языке. Но в последнем к тому же еще значит и „присоединять, причислять, прикомандировать, быть присоединенным и причисленным“. Производное от него отглагольное существительное хамзѣја означает „соединение в одно, присоединение, участие в одном деле, товарищество“, отсюда хамзѣјатай „присоединенный, причисленный, принадлежащий к чему“. Таким образом, в монгольском языке подготовлена своего рода лексико-семантическая среда для образования такого производного слова, как „хамжилга“, которое в сочетании или без сочетания со словом „арад“ имеет следующие значения: „слуги, приписанные к дому, поселяне, приписанные к дому для работы; свита, постоянно сопутствующая своему господину“; в дальнейшем стало означать „сословие подданных, приписанных или причисленных к семье феодалов для несения каких-нибудь повинностей“¹². Затем на основе подобных значений в монгольском языке и бытует в нем по настоящее время слово „хамжалга“ в значении „крепостной и крепостничество“. Итак, если в бурятском языке „хамжаха“ сохранилось в своем значении „присоединиться, составить компанию“, то в монгольском оно получило свое дальнейшее развитие.

В бурятском же языке, в языке народа, пережившего только период раннего феодализма, но не развитого феодализма и крепостнического строя, нет и не могло быть слова со значением „крепостной“ или близким к нему смыслом.

Не могло быть, конечно, использовано в этом значении (если бы было образовано) производное от бурятского глагола „хамжаха“ „присоединиться, составлять компанию“ существительное „хамжалга“, потому

¹² Б. Я. Владимирцов, указ. соч., стр. 21.

что такое образование противоречило бы процессу постепенного развития значений слов. Если бы оно даже проникло в бурятский язык в этом значении, то могло бы существовать в нем, в лучшем случае, только на правах заимствованного из монгольского языка слова, т. е. как слово, не выросшее на основе развития основного словарного фонда бурят-монгольского языка и не вытекающее органически из его семантической системы. Таково, например, в современном литературном языке слово „хото“ в значении „город“¹³.

И в новое время литературный бурят-монгольский язык неизбежно должен заимствовать какие-нибудь слова для выражения понятия о крепостничестве. Они заимствованы из русского языка — „крепостной, крепостничество“.

Такие же примерно взаимоотношения находим между бурятским шүүсэн „сок“ и монгольским шүүсэн в значении „натуральная рента предметов питания“¹⁴ в халхаском.

Төр || төрө

В западнобурятском наречии слово төрө употребляется в значении „свадьба“, а в древнемонгольском — „пир“. Изредка это слово в парном сочетании со словом ёно означает „обычай, установленный порядок, закон“, как бы в отпочковавшемся от слова „свадьба“, так как свадьба есть в своем роде „пир с перечнем правил, церемоний и установленных кодексов“. Затем это слово по монгольскому словарю XIII—XIV вв. Мукаддимат-ал-Адаб означает „парад“ или „торжественную церемонию с установленным режимом и порядком“. И оно дальше приобретает в древнемонгольском же значения „порядок, режим“, затем „строй“, „управление, правление“ и, наконец, „державна, государство и т. д.“¹⁵, т. е. „определенный порядок, строй, узаконенные правила“.

У западных бурят это слово не бытует в подобных значениях, и у них оно застыло в своем первичном значении „свадьба“. От него, конечно, невозможно теперь образовать значения „строй, режим, правление и управление“. И западные буряты пользуются для выражения этих понятий русскими словами.

Тайлаха, тайлбар

В западнобурятском наречии это слово означает „развязывать“, и только в сочетании со словом „шог“ „шутка“ иногда переносно употребляется в значении „разъяснить“ — „шогоо тайлаха“ „разъяснить шутку“. Иных значений не имеет.

В восточном же бурятском наречии и в халхаском, т. е. в монгольском языке, помимо упомянутых еще означает „открывать дверь“, так как в войлочных юртах, в которых в свое время жили восточные буряты и халхасцы, войлочная дверь завязывалась и, чтобы открывать ее, надо было развязывать. Отсюда тайлаха стало постепенно употребляться переносно в значениях „выпускать, освободить“, ибо „открывать дверь“ значит „выпускать, освободить“, а в современном монгольском языке в страдательном залоге „тайлагдах“ „освободиться от нагрузки, быть свободным от работы“.

В тот период, когда появилась необходимость разъяснить некоторые тексты древнемонгольского литературного языка, существительное

¹³ Об этом подробно ниже.

¹⁴ Б. Я. Владимирцов, указ. соч., стр. 113, отмечает: «Монголы представляли феодалам повинности, выразившиеся в отправлении в ставки феодалов дойных животных, чтобы в ставках могли пользоваться их молоком. Такая повинность называлась shūsūn».

¹⁵ Б. Я. Владимирцов, указ. соч., стр. 155, переводит tōrū — yin yeke хаган „державный великий хаган“.

„тайлбар“, производное от глагола „тайлах“ „разъяснить“, выступает уже в значениях „примечание, комментарий“.

В западнобурятском, где не было литературного языка вплоть до Октябрьской социалистической революции, слово „тайлаха“ не шло в своем развитии дальше своего первичного значения „развязывать“ и не образовало никаких производных слов и значений, наблюдаемых, как мы видим, в монгольском языке.

Албан

Слово „албан“ у западных бурят бытует только в значении „пóдать“, а иногда „повинность“, например, „харгуйн алба дүүргэхэ“ „выполнять дорожную повинность“. В первом значении еще употребляется в сочетании со словом „татари“ — „алба татари“ „пóдать“. Дальнейшего развития в западном наречии это слово не получило.

В халхаском и монгольском литературном языке оно стало выражать понятия, связанные с феодальными отношениями. «Главнейшей обязанностью всякого вассала к своему сюзерену является „албан“ „служба, повинность“»¹⁶, — пишет Б. Я. Владимирцов. Дальше он продолжает: «албан — связывающее начало монгольского феодального общества»¹⁷. При таких условиях «служба своему сюзерену или господину» являлась в то время основным значением слова „албан“.

«Вассал или крепостные, зависящие аратские массы, прежде всего должны были выполнять „албан“ в следующих видах: 1) служба при ставке сеньера по сбору топлива; 2) служба в ополчении сеньера и участие в облавных охотах; 3) подводная повинность, почтовая гоньба и т. д.»¹⁸. Поэтому в монгольском языке слово „албан“ наряду со значениями „повинность, обязанность“ выражает и понятия „служба“, чего нет и не могло быть в языке западных бурят, не прошедших период развитого феодализма.

Последнее значение постепенно становится наиболее важным, и слово „албан“ образует многочисленные производные значения в современном холха-монгольском языке в сочетании с другими словами или само по себе. Например, „албан газар“ „ведомство, учреждение“, „албан тушаал“ „должность“, „албан ёсны“ „официальный“, „албан бүс“ „неофициальный“, „алба хаагч“ „служащий“, „албаны хувцас“ „форменная или служебная одежда“, „албаны хэрэг“ „служебное дело“, „алба хаах“ „служить“ и т. д. Кроме того, глагол „албадах“ производное от „албан“ в монгольском „принуждать, настаивать, вынуждать“.

Все эти сочетания и образования в значениях, производных от „албан“, „служба“, в западных бурятских говорах совершенно не известны. И не все бытуют в восточных говорах бурят-монгольского языка. Например, известно, что „албан“ в селенгинском говоре и в некоторых других воспринимается как „служба“; имеется и глагол „албадах“ в значениях „приказывать, заставлять, принуждать“. Этим исчерпываются производные образования от „албан“ в восточных говорах. И следует отметить, что в последних „албан“ в указанных значениях, несомненно, заимствовано из халха-монгольского языка и не имеет под собой прочной основы, так как оно постепенно вытесняется в живых говорах восточных бурят заимствованными русскими словами. А в западных говорах бурят-монгольского языка, поскольку между значениями „пóдать“ и „служба“ имеется семантический разрыв, оно не существует в последнем значении и в осмыслениях производных от него и его заменяет заимствованное русское слово „үслүүжвэ“.

¹⁶ Б. Я. Владимирцов, указ. соч., стр. 159.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, стр. 164.

Эрхэ, эрхэхэ, эрхэлэхэ

В западных бурятских говорах „эрхэ“ означает „капризный, своевольный, своевольный“, „эрхэхэ“ „капризничать, обижаться, заупрямиться“, а „эрхэлэхэ“ „проявлять капризы, быть избалованным, приласкаться“. Других значений не имеет. Правда, в некоторых производных образованиях от глагола „эрхэхэ“ — „эрхэдэг“ означает „обидчивый“, „эрхэдэг морин“ — упрямая, своенравная лошадь“.

В монгольском же языке в слове „эрхэ“ на первичное значение накладываются в феодальную эпоху, в XII и XIV вв., следующие значения: „проявлять своеволие, выказывать свое могущество“, затем „сила, мощь и власть“. В дальнейшей своей эволюции это слово уже дает новое производное значение — „полномочие“, т. е. „получивший власть на что-то“, затем „право“, т. е. „обладание известной властью над чем-нибудь или над кем-нибудь“.

Глагол же „эрхэлэхэ“ дает примерно такую же линию развития, как и слово „эрхэ“: сначала: „проявлять свою волю, властвовать, возглавлять“, затем уже выступает в современном халха-монгольском в значениях: „ведать, заведывать, редактировать (ведать газетой, журналом), заниматься чем-нибудь общественно полезным“, т. е. „ведать какой-нибудь профессией“.

Но от корня этих слов в старом монгольском языке образован ряд производных слов, примерно в тех же значениях, конечно, исключая последних. Например, *eghesig* „своевольный, произвольный, самовластный, властный“, *eghesil* „сила, мочь, могущество, власть“, *egxety* „имеющий силы, могущественный, имеющий полномочие, власть“, *eghesid* или *eghesud* „привилегированное сословие, имеющие власть“, *egxeten* „сильные, мощные, властные, имеющие власть“, да и к тому же „ближайшие воины и служители при ханах“¹⁹ и „члены тела (две руки и две ноги), органы чувств“, т. е. „такие органы, которые по представлению монголов являются основными, наиболее значимыми, сильными“, *egheugei* „непременно, решительно, обязательно“, *eghebsi* то же самое „непременно, решительно, во всяком случае“ и т. д. и т. п.

Все эти производные слова от корня „эрхэ“ и многие другие образования создают семантическую среду или базу для возникновения в современном халха-монгольском языке значений дополнительных к старому или новых производных слов с новыми значениями, но находящихся в преемственной связи с прежними. К таким словам относятся, например: „эрх ашиг“ „право, привилегия, интересы“, „эрхин дорх“ „зависимый, находящийся под влиянием“, „эрхшээл“ „влияние, право“, „эрхлэгч“ „управляющий, заведующий, редактор“, „эрхтэй“ „правомочный, имеющий право“, „эрхшээлтэй“ „влиятельный“, „эрхгүй“ „бесправный“, „эрх барих“ „иметь власть“, „эрх баригчид“ „руководители, власти“, „эрхэлсэн ажил“ „занятие, профессия“, „эрхэм“ „влиятельный, почтенный, уважаемый, маститый, наилучший“ и многие другие.

Ни одно из этих значений, за исключением первичных, в западных говорах не встречается, так как между „эрхэ“, например, в значении „каприз, своеволие“ и в значении „влиятельность, право“, получается резкий семантический разрыв, не восполнимый даже при самом произвольном и богатом воображении.

Поэтому западные буряты предпочитают заимствовать большинство этих слов из русского языка.

В восточных же говорах и в литературном бурят-монгольском языке бытует самая незначительная часть из приведенных выше производных значений и образований, появившихся под влиянием литературного монгольского языка. К ним относятся, например, „эрхэ“ в значении „право“, „эрхэбши“ в значении „непременно, решительно“ и некоторые другие.

¹⁹ Б. Я. Владимирцов, указ. соч., стр. 163.

Хот // хото // хотон

Слово „хотон“ в бурятском языке бытует в значении „загон, хлев, стайка“²⁰, а в западном диалекте не имеет иных значений. Его разновидностью является „хото“ с выпадением конечного „н“, что часто наблюдается в монгольских языках.

В монгольском же „хото“ или „хот“ означает „стойбище, город“ а производный от него глагол „хотлох“ „загонять скот в стойбище“. Когда-то это слово в монгольском языке означало, как нам подсказывает монгольский словарь XIII и XIV вв. „Мукаддимат-ал-Адаб“, „загороженное место“: *qoninu tula modoni'ar jasaqsan qotan* „загородка, устраиваемая для овец из жердей“.

В переносном значении „нечто окруженное, круг“. Ср. в том же словаре *saḡayin qotan* „сияние вокруг луны“, „круг луны“, *paḡayin qotan* „круговращение солнца“; со значением „круг“ связано и значение „круг близких родичей, родственников“²¹ и „кочевой поселок“²². Затем стало оно употребляться в значениях „ограда“ и „земляной вал, за которым живут люди“. Впоследствии стало означать „укрепление, деревянная или каменная стена, городская крепостная стена“, а все эти значения завершает халха — монгольское „город“²³.

В манчжурском „хотонь“, явно заимствованном из монгольского языка, так как оно не имеет первоначального, более примитивного значения и своего разветвления в производных значениях, — выступает в значениях „обитаемое место, обнесенное земляным валом, деревянной или каменной стеной; всякая высокая и толстая стена; городская крепостная стена; город“²⁴.

В западнобурятском наречии, да и в других бурятских говорах, это слово не получает своего дальнейшего развития и застывает в своих первичных значениях „хлев, стайка“.

Западные буряты, естественно, не могли принять слово „хото“ или „хотон“ в значении „город“, ибо последнее значение слишком резко противостоит значениям „хлев, стайка“.

Очевидно, бурятские племена в разное время по-разному стали выражать понятие „город“; можно сказать, что каждый говор имеет свое наименование для этого понятия. У части аларских бурят, также у эхиритцев и в некоторых восточных говорах „город“ называется „тура“. Слово это, несомненно, тюркского происхождения, ср. Ойрот-тура, Том-тура, Би-тура, Аба-тура в алтайском и казахском языках²⁵.

²⁰ В некоторых тюркских наречиях „котан“ «хлев для скота; огороженное место вблизи аула, куда на ночь загоняют овец». См. В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. II, СПб., 1899.

²¹ С. А. Козин, Сокров. сказ., § 124 и словарь «Мукаддимат-ал-Адаб», стр. 302.

²² Б. Я. Владимирцов, указ. соч., стр. 170: «Ойраты кочевали хотонами, то есть аилами или кочевыми поселками».

²³ По этому поводу, например, Б. Я. Владимирцов говорит следующее: «В Монголии появляются здания и города, и сами монголы начинают проживать в городах культурных народов» (указ. соч., стр. 44). То же самое утверждает С. В. Киселев: «Обычная городская жизнь была важнейшей особенностью хозяйственного и политического развития этой части Центральной Азии. Это заставляет с большой осторожностью отнестись к чисто кочевому характеру монгольского феодализма» (Изв. АН СССР, серия истории и философии, т. IV, 1944, стр. 370).

²⁴ См. указ. выше словарь И. Захарова.

²⁵ Это слово, очевидно, одного корня с тюркским *турмак* „находиться, стоять, жить“ (см. «Опыт словаря тюркских наречий» В. В. Радлова, СПб., 1905); отсюда в узбекском *туручи* «житель, жилец», *тургунлик* „оседлость, устойчивость“ (см. «Краткий узбекско-русский словарь», под ред. Боровкова, Ташкент, 1942), в киргизском — *туруучу* „обитающий, проживающий“, *турак* „стоянка, стойбище, местожительство“ («Киргизско-русский словарь» К. К. Юдахина, М., 1940) и само слово тура означает в тюркских языках „жилище, строение, дом, город“, тогда как в бурятском языке не замечается такая разветвленность значений этого слова, а только лишь в некоторых западных говорах означает еще „дом“.

Боханские, унгинские и часть восточных бурят пользуются заимствованным русским словом „гоорот“, селенгинские же буряты приспособили для этой цели слово „байшан“, означавшее значае „здание, помещение, постройка“. В литературном бурятском языке и в некоторых говорах восточных бурят, особенно в Хори, пользуются словом „хото“, заимствованным из монгольского языка. Следует отметить, что „хото“ там воспринимается как монголизм, как чисто литературное слово, поэтому в живой речи, в бытовом языке предпочитают употреблять „гоорот“. Часто слышим из уст, например, хоринских бурят выражение „үдээн гоорот“, т. е. город Улан-Удэ, а не „үдээн хото“.

Балгааһан // булгааһан // балгасун // балгас

Слово „балгааһан“ или „булгааһан“ в части западных бурятских говоров означает „юрта“, а в некоторых, например в эхиритском — „постройка“, в хоринском — „стайка, старая юрта“, в селенгинском — „логовище, лачуга“. И во всех бурятских говорах это слово не встречается в значении „город“.

А в монгольском языке, следовательно в халхаском, „балгас“, разновидность бурятского „балгааһан“, означало в начале „стена“, впоследствии „замок, дворец“ и, наконец, „город“, и это засвидетельствовано во всех памятниках, начиная с самых древнейших, кончая современными²⁶.

Здесь наблюдаем такой же семантический разрыв, что и в предыдущих словах.

Хүрээ, хорёо // хороо

В бурятском языке, в западном диалекте, вариант „хүрээ“ употребляется только в значении „изгородь“, а в халхаском, соответственно в старом монгольском „хүгје“, халх. „хүрээ“ „изгородь, круг“ (ср. „хүрээлхэ“ „окружить“), затем „ограда“, „двор“, впоследствии от первичного значения „стан, расположенный по кругу“ образовано и „лагерь, расположенный тоже в виде круга“. В современном монгольском означает и „монастырь“, т. е. „огороженное место; нечто, расположенное в ограде, окруженное двором“; переносно еще „кайма“.

Интересным является в халха-монгольском производное от глагола „хүрээлхэ“ „окружать, обрамлять, окаймлять, соответственно спланироваться вокруг кого-либо“, имя существительное „хүрээлэн“ в значении „комитет“, т. е. „круг тесно сплоченных людей, руководящих работников“.

В этой связи не меньший интерес представляет слово из восточно-бурятского наречия „хорёо“ „изгородь, двор“, в старо-монгольском „хүгје“, в халхаском „хороо“ „круг“. ср. „хүгјеахи“ „окружать, собирать и т. д.“. Затем стало оно употребляться в том же языке в значении „стан“ и „лагерь“, т. е. „нечто, расположенное по кругу“, и в значениях „огороженное место и двор“.

В качестве ответвления от значения „лагерь“ образуется „полк“²⁷, затем „полковая штаб-квартира“ и „штаб“, впоследствии „контора“, „палата“ и, наконец, по другим ответвлениям (см. выше) „комитет“,

²⁶ См. С. А. Козин, Сокров. сказ., М.—Л., 1941, § 279; «Лейденская рукопись», Изв. АН СССР, сер. лит. и языка, 1927, стр. 1265—1266 balgasun Statt, Dorf; «Монгольский словарь Мухаддимат-ал-Адаб», М.—Л., 1938, стр. 93, 109, 110, 116, 117, 126, 128, 139, 196, „стена, город“ balgasun ger „дворец, замок“; «Глоссарий Ибн-Муханна», там же, стр. 435 balgasun „город“, үсүгүн balgasun „местечко, деревня“, буквально „маленький городок“; Б. Я. Владимирцов, Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия, стр. 147—148 в халхаском („город, строение, замок“, в Дэрб. Астрах. „город, деревня“, и т. д. Ср. тюркск. балык „город“).

²⁷ Б. Я. Владимирцов, указ. соч., стр. 201.

т. е. „круг руководящих работников“. Кроме того, в современном халхаском языке оно означает еще „телефонно-телеграфная станция“.

Ясно, что бурятское „хорёо“, „изгородь“ в современном языке не может употребляться во всех этих значениях, особенно в значениях „полк, штаб, комитет, телефонная станция“, что противоречило бы ходу развития значений слов по их преемственной связи, и для него является непреодолимым тот разрыв, который существует между первичным бурятским значением „изгородь“ и современным халхаским „комитет“ или „станция“.

Слов с семантическим разрывом, подобных приведенным выше, немало, а поэтому нельзя остановиться в небольшой работе подробно на всех и приходится ограничиться для полноты картины беглым перечислением некоторых из них.

К числу их относятся, например, следующие слова: бур. „бахна“ „столб“, халх. „багана“ в значениях „столб заплота или изгороди“ и „подпорка в здании храма, колонна“; бур. „һува“ „линия“//халх. „цуваа“ (ср.-бур. „һуважа-суважа“ „ябана“) „идти друг за другом, гуськом, вереницей“ и „караван, эшелон, конвейер“; зап.-бур. „яма“ „важничание, важность“, халх. и вост.-бур. „ямба“ „привилегия, почет“, халх. „ямбату“ „сановный“; бур. „һүбээ“ „бок“, халх. „сүвээ“ „бок“ и „фланг (халх.)“; бур. „дарга“ „староста“, халх. „дарг“, „дарга“ „староста“ и „старшина“, „командир, председатель, наместник, правитель (ст. лит.)“, „ответственный секретарь (совр. монг.)“; бур. „хушууша“ „передовой, вожак“, халх. „хушуучи“ „передовой отряд, наступающий впереди“, „начальник передового отряда“ и „майор, генерал-майор (совр. монг.)“ и другие.

Из приведенных выше примеров видно, что семантика, относящаяся к основному словарному фонду, остается почти неизменной, и она сохраняется во всех современных языках и говорах, несмотря на существенные изменения, происходящие в самой общественной среде и в словарном составе языка.

Но зато значительные изменения вносятся в словарный состав языка и говоров. И эти изменения диктуются теми историческими процессами, которые происходят в общественной жизни самого творца и носителя этого языка.

Но процесс изменения значений слов происходит не путем „взрывов“, внезапных скачков, а в результате длительного изменения и развертывания значений того или иного слова в соответствии с теми потребностями, которые возникают у того или иного народа, например в его производстве, культуре, быту и в общественной жизни.

А между тем Н. Я. Марр полагал, что развитие значений слов, особенно возникновение слов по так называемому закону семантической противоположности, связано со взрывами в самой общественной жизни, в мышлении и в речи. «С взрывом замкнутых миров,— говорит он,— вскрылись совершенно не использованные исключительные возможности речи, как источника познания и по мышлению. Эти возможности требуют, однако, учета. Чего? Того, что мышление, как язык, есть явление „становления“, и его сущность и техника, а с ними его роль, изменяются в корне по сдвигам. Сдвиги настолько мощны, настолько громадны по создающимся за сдвигами изменениям, что новые поколения кажутся пришедшими из другого мира сравнительно с теми прежними, от которых они произошли: на двух берегах пропасти, образующейся между ними, два противоположных предмета и, казалось бы, противоположных понятия обозначаются одним словом. Одно и то же слово на одной стороне, покинутой стороне, значит голова да начало, а на новой ... значит хвост, конец, на одной стороне огонь, на другой — вода, на одной стороне день, на другой — ночь. Мир при таких сдвигах переворачивается

верхом вниз или, вернее сказать, низом вверх, сбиваясь в пути с одного направления или измерения на другое»²⁸.

Согласно этим рассуждениям Н. Я. Марра выходит, что развитие значений слов протекает по тем же законам, по каким развивается общество, законы языка те же, что и законы общества: взрывы в общественной жизни вызывают взрывы и в мышлении, и в речи, и в семантике отдельных слов; одним словом, все „переворачивается верхом вниз или низом вверх“ при коренных социальных изменениях. Вот таковы, по Н. Я. Марру, в частности, способы возникновения слов с противоположными значениями.

Такой упрощенный метод²⁹ изучения языковых явлений противоречит всем данным языка и весьма далек от марксизма. Из исследований фактического материала видно, что никаких взрывов в семантике слов не происходит, и появление контрастных первичным значениям семантем, как в монгольском „хото“ „хлев“ и „город“, основано на постепенном изменении значений слов, протекающем по закону, который назовем здесь законом семантической цепи, или цепного развития³⁰. Такое наименование потому и даем этому процессу, что в ходе постепенного наращивания и развертывания того или иного значения в слове образуется, с точки зрения этимологической, цепь значений, составляющих как бы ее звенья и являющихся последовательно опорой в возникновении каждого последующего значения. Одно значение, варьируясь в виде оттенка предшествующего значения, нанизывается на другое значение, включаясь, таким образом, в единую цепь значений и становясь опорой для возникновения дальнейшего, качественно нового значения. В этом явлении, несомненно, отражено, в виде частного случая, относящегося к полисемии, то известное положение И. В. Сталина о языке, которое гласит следующим образом: «На самом деле развитие языка происходило не путем уничтожения существующего языка и построения нового, а путем развертывания и совершенствования основных элементов существующего языка. При этом переход от одного качества языка к другому качеству происходил не путем взрыва, не путем разового уничтожения старого и построения нового, а путем постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры языка, путем постепенного отмирания элементов старого качества»³¹.

И действительно, изменение значений в приведенных нами выше словах происходило не путем внезапного уничтожения старого, первичного

²⁸ Н. Я. Марр. Избр. работы, т. III, стр. 95—96, М.—Л., 1934.

²⁹ Автор этой статьи, в годы аракчеевского режима в языкознании, в некоторых своих опубликованных работах также прибегал к подобному методу. Например, в своей статье «Западный бурятский диалект на материалах лексики», опубликованной в сборнике «Академия Наук академику Н. Я. Марру», Ленинград, 1934, следуя учению Марра, отдельные бурятские слова он сравнивает со словами яфетических языков Кавказа, хотя бурятский язык не имеет никакого родства с упомянутыми языками. Затем, в более поздней работе «Флексия основ в языках агглютинативной системы» (см. «Сборник филологических трудов», Улан-Удэ, 1948), в которой, развивая идею акад. Б. Я. Владимирова об огласовках в монгольских языках (см. его «Сравнительную фонетику письменного языка и халхаского наречия», Ленинград, 1928), явления колебаний звуков в устах одного и того же говорящего лица он рассматривает как отдаленный пережиток диффузного состояния звуков. Далее, основы монгольского суффикса «тан» он находит в мегрельском и других языках, которые ничего общего не имеют в смысле родства с монгольскими языками, тем самым опять-таки сравнивает несравнимые факты неродственных языков, следуя вульгаризаторскому учению Марра о единстве глоттогонического процесса. Все подобного рода ошибки стали для автора явственными после гениальных трудов товарища Сталина о языке, которые внесли ясность в вопросы советского языкознания, запутанного идеалистическими и абстрактно-схоластическими измышлениями акад. Марра.

³⁰ Во втором наименовании яснее отражается самый процесс образования значений.

³¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, изд-во «Правда», 1950, стр. 22—23.

значения и столь же внезапного появления нового, а вследствие постепенного накопления и развертывания качества нового значения. При этом большей частью первичные значения, на базе которых возникли новые, сохраняются без особых изменений, а некоторые из значений, как устаревшие, постепенно отмирают. К ним относятся главным образом те звенья семантической цепи, которые находятся между первичным значением и более новым.

Следует также отметить, что действие этих явлений (цепного развития и семантического разрыва) в области полисемии монгольских языков происходит в такой мере определенно и регулярно, что оно позволяет нам установить даже его продолжительность и время его возникновения. Возникает оно, как показывают факты, примерно к XI—XIII вв. и продолжается почти до нашего времени. Таким образом, упомянутые явления и результаты их действия пережили ряд смен базисов и общественных формаций и продолжительность их составляет много веков.

Отсутствие „взрывов“ в развитии семантики и невозможность внезапного раздвоения слова на два исключających друг друга значения по так называемому закону противоположностей доказывается еще тем, что при наличии семантического разрыва, или зияния³² в развитии значений того или иного слова и исключения слова из закона семантической цепи, или цепного развития, новое значение, как правило, не может возникнуть в этом слове, так как отсутствует в нем то необходимое звено, которое могло бы явиться опорой для возникновения этого нового значения. Вместо необходимой опоры или основы здесь оказывается зияние, или пустота.

Таким образом, семантический разрыв показывает, что значение данного слова в процессе своего постепенного перехода в другое значение претерпевает столь существенные качественные изменения, которые становятся непреодолимыми в языке, в котором исключено данное слово из закона семантической цепи. Ибо природа языка не терпит внезапных сдвигов или взрывов, исключających закон цепного развития в полисемии.

И это наглядно обнаруживается при сравнительном изучении двух родственных языков. Например, хотя бы из приведенных нами выше фактов видно (см. стр. 574—581), что слово, получившее в результате действия закона семантической цепи свое новое значение в одном языке или даже наречии, не может обрести его в другом, родственном, если в последнем сталкивается с фактом исключения и обнаруживается разрыв в подобном развитии. В таких случаях носители языка или наречия дают предпочтение заимствованным словам, взятым даже из неродственных языков, но влиятельных. И если это же слово в своем новом значении по той или иной причине будет принято в подобном языке или наречии, то оно в нем все же будет ощущаться как нечто внесенное извне, искусственно рожденное, а не органически выросшее на базе семантической системы этого языка или наречия; ср. „хото“ в значении „город“, „эрхэ“ „право“³³ и др. в восприятии западных бурят, которым эти слова в данных значениях представляются абсолютно чуждыми.

Если же какое-нибудь слово кажется с первого взгляда возникшим в результате раздвоения своего первоначального значения на контрастные или полярно противоположные значения, то это говорит только о том, что в этом случае выпали, как архаизмы, звенья, которые являлись здесь посредниками, и они исчезли из памяти говорящих лиц. Ср. в совр.

³² Семантическим разрывом, или зиянием, называем абсолютное отсутствие в каком-нибудь наречии или языке того или иного звена в цепи развития значений данного слова, при наличии его в другом наречии или родственно близком языке.

³³ В восточной Бурятии указанные слова заимствованы из халха-монгольского языка и имеют в ней хождение с давних пор, поэтому там их чуждость почти не ощущается.

монг. то же слово „хото“ в значениях „стойбище“, „город“ с выпавшими звеньями „изгородь“, „ограда“, „вал“, „укрепление“. В задачу исследователя, таким образом, входит необходимость восстановить все недостающие звенья в развитии значений данного слова и проследить все способы, приемы, виды и случаи включения одного звена в другое, изучив детально и конкретно историю этого слова и те условия, в которых развивалось оно.

Из всего этого вытекает, что положение о возникновении слов путем „взрыва“ ненаучно и не соответствует действительности.

В связи с законом семантической цепи, или цепного развития, перед нами всплывает вопрос о заимствованных словах и его отношениях к этому закону. Мы упомянули выше, что язык или, точнее, народ — носитель языка, предпочитает заимствованные слова словам, искусственно выдвинутым в том или ином своем значении, хотя и коренным (см. выше стр. 576—577, 581).

Современный монгольский язык часто пользуется своими собственными словами там, где бурятский язык, в частности его западное наречие, заимствует из других языков. Причина здесь заключается не только в том, что западные буряты в прошлом были сильнее подвержены прогрессивному влиянию русской культуры и были более восприимчивы к ней, чем халха-монгольские племена, но кроется и во внутренних законах развития языка. Одним из таких законов является закон семантической цепи, или цепного развития, который последовательно проводится в монгольском языке в процессе образования ряда слов, но не проводится в бурят-монгольском, как мы выше видели, создавая семантические разрывы, или зияния, в отдельных словах.

Приведенные нами факты говорят о том, что там, где развитие слов проходит по закону семантической цепи, язык (монгольский) не прибегает к заимствованным словам, а там, где он (бурятский) выключается из этой цепи, происходит процесс пополнения и обогащения его заимствованными словами. Никаких „взрывов“ или ненормальностей, нарушающих ход постепенного развития языков, таким образом, нигде не наблюдаем.

Для доказательства этого положения приведу следующие примеры: „государство“ в монгольском языке передается коренным словом „улс“, а в бурятском — заимствованным из русского „гасудаарства“ и манчж. „гүрүн“; „крепостничество“ в монгольском языке — коренным „хамжалга“, а в бурятском — заимствованным „кэрлэстнигчествэ“; „примечание, комментарий“ в монгольском — „тайлбар“, а в бурятском передается заимствованным из русского „пирьмичаани“, „каминтаари“; „комитет“ в монгольском — „хорёо“, а в бурятском „камитеэт“; „телефонная станция“ в монгольском — то же самое („хорёе“), а в бурятском заимствованное „тилифоонна стаанса“; „город“ в монгольском — „хот“, а в бурятском передается заимствованным русским — „гоорот“ и тюркским „тура“; „право“ в монгольском — „эрхэ“, а в бурятском (западном) передается русским „параава“; „служба“ в монгольском „албан“, а в бурятском передается заимствованным „үслүүжвэ“ и т. д.³⁴

Из истории ряда языков нам известно, что попытки заменить заимствованные слова искусственно придуманными словами, составленными из корней слов заимствующего языка, тоже не давали никаких положительных результатов. Например, в бурятском языке не привились искусственно придуманные образования, как „үмхэй тосо“ „керосин“, буквально „воонющее масло“; „сахилган тэргэ“ „трамвай“ — „молния-телега“ и т. п. И это понятно. Ибо такие слова не вырастают органиче-

³⁴ Заимствованные слова даются применительно к произношению образованного бурята.

ски из лексико-семантической системы данного языка, не созданы „путем развертывания и совершенствования основных элементов“ и „постепенного и длительного накопления элементов нового качества“, как сказано об этом в гениальном труде И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“, а внесены в этот процесс искусственно и представляют собой в своем роде насилие над внутренними законами развития языка.

Поэтому искусственно придуманные слова, появление которых не оправдано ходом истории данного народа и внутренними законами развития его языка, не могут привиться в нем, даже в том случае, если они будут более понятными и выразительными, чем заимствованные слова.

«Слово мокроступы очень хорошо могло бы выразить понятие, выражаемое совершенно бессмысленным для нас словом галоши,— говорит В. Г. Белинский,— но ведь не насильно же заставить целый народ вместо галоши говорить мокроступы, если этого он не хочет! Для русского мужика слово кучер — прерусское слово; а возница такое же иностранное, как и автомедон»³⁵.

Следовательно, слова, созданные в процессе постепенного развертывания их значений и длительной отшлифовки, обладают исключительной устойчивостью и жизненностью, они как бы срастаются с выражаемым ими значением и составляют с ним нечто единое целое.

Поэтому заимствованные слова, как слова, возникшие на родной почве в процессе длительной отшлифовки, несомненно должны предпочитаться народом, носителем языка, искусственно придуманным, хотя бы даже выразительным и понятным, но не обладающим, естественно, всеми упомянутыми выше качествами.

Очень любопытными в этом отношении являются следующие слова В. Г. Белинского: «Вообще идее как-то просторнее в том слове, в котором она оказалась в первый раз; она как-то сливается и срастается с ним, и потому выразившее ее слово делается слитным, сросшимся („конкретным“, говоря философским термином) и становится непереводаемым. Переведите слово катехизис — оглашением, фигуру — извитием, акцию — действием, период — кругом — и выйдет нелепость»³⁶.

Потому и „просторнее“ идее или значению в том слове, в котором оно появилось на свет, что они (значение и его звуковое облачение) прошли вместе все строжайшие контрольные пункты истории, все испытания по пути своего длительного усовершенствования и отделки, отбрасывая ненужное, лишнее и не соответствующее требованиям народа, творца и создателя языка³⁷. Таким образом, закон семантической цепи или цепного развития, говоря словами акад. Л. Г. Булаховского, является непроницаемым для заимствованных слов.

Дальнейшей особенностью закона семантической цепи, или цепного развития, является также и то, что разветвление семантики слова по этому закону в основном имеет направление, идущее из глубины истории к современности, что этот закон отражает динамику развития семантики слова и устремление ее в будущее в соответствии с историческим развитием народа, носителя языка. Лишь в силу этого одно и то же звуковое облачение имеет возможность нагружаться значительным количеством значений, при этом самых разнообразных, слово становится многозначным, развитие значений проходит в порядке напластования одного значения на другое.

³⁵ В. Г. Белинский, Полное собр. соч., т. VI, СПб., 1903, стр. 213—214.

³⁶ Там же, стр. 215.

³⁷ Основная трудность в вопросах заимствования, таким образом, заключается не столько в самом процессе перевода, сколько в умении установить степень переводимости отдельных слов и эквивалентности их тем словам, при помощи которых они могут быть переданы. Если в таких случаях утрачивается мера и умение соблюдать эту меру, то очень легко впасть в реакционную пуристическую нелепость, о которой говорит В. Г. Белинский.

Поскольку историческая дистанция в таком случае между значениями слова может быть довольно значительной, притом бывают выражаемые этим словом понятия или предметы исторически разных периодов и разной значимости, и очень часто отдельные связующие значения выпадают как устаревшие, что явствует из приведенных примеров, постольку отдельные значения в таком слове могут рассматриваться как значения омонимные, далекие друг от друга и утратившие между собой родственную связь. В связи с этим слово в тех или иных своих значениях выступает как омоним самому себе: например, „эрхэ“ в значении „каприз, своеволие“ и в значении „право“, „хүрээ“ в значении „изгородь“ — и „комитет“, „станция“ и т. п., несомненно, омонимы.

Таким образом, закон семантической цепи, или цепного развития, является одним из тех внутренних законов развития языка, с которым связано возникновение омонимов. С этим же законом связано и возникновение антонимов. Это те случаи в монгольских языках, когда слово при развитии своих значений по закону семантической цепи постепенно обретает значение, противоположное первичному значению, например, „хото“ в значении „стайка“ и в значении „город“.

Интересно также и то, что слово, приобретшее целую цепь значений по закону семантической цепи, или цепного развития, в отдельных своих звеньях может дать очень широкие и продуктивные разветвления, т. е. образовать производные слова при помощи тех или иных морфологических и синтаксических средств. Наглядной иллюстрацией к этому могут служить такие слова, как „улс“, „эрхэ“, „хүрээ“ и др. (см. выше стр. 576, 578, 579, 581). Притом эти разветвления, главным образом, в отличие от значений, образованных по закону семантической цепи, могут иметь распространение в рамках одного и того же периода времени, т. е. синхроничны. Очевидно, в силу этого обстоятельства и во избежание омонимных значений, могущих внести путаницу в словарный состав языка, отдельные слова бывают оформлены теми или иными морфологическими средствами, образующими производные слова от слова-корня.

Здесь, очевидно, происходит то, что называется отталкиванием от омонимов. Отсюда можно полагать, что могут быть не только продуктивные аффиксы и т. п., но и продуктивные значения. Так, например, в слове „эрхэ“ оказались почти непродуктивными значения „каприз, своеволие“, зато весьма продуктивными — „сила, власть“, „право“, также в слове „улс“ малопродуктивно значение „люди“, зато весьма продуктивным оказалось „государство“ и т. д.

Это говорит о том, что слово, развившееся по закону семантической цепи, или цепного развития, не во всех звеньях может стать опорой для производных слов и тем самым включиться в основной словарный фонд.

В результате того, что закон семантической цепи не во всех наречиях и родственных языках действует в равной мере, как это наглядно было видно из наших примеров, и активность его проявляется по отдельным монгольским племенным языкам и наречиям по-разному в разные периоды времени и даже в разных группах слов, что зависит от исторических условий развития этих племен, — создаются различные взаимоотношения значений в отдельных словах по разным наречиям и родственным языкам и разные семантические ряды отдельных групп слов. Ср. приведенные выше слова в употреблении западных и восточных бурят, с одной стороны, и монголов, с другой.

Стало быть, в силу всего этого, основной словарный фонд может иметь свои небольшие особенности и свои хотя бы незначительные отличительные черты в каждом из монгольских наречий и языков. Например, слово „улс“ несомненно входит в основной словарный фонд халхаского языка в следующих своих значениях: „люди, народ“ и „государство“, а в бурятский язык его разновидность „улат“ — только в значении „люди“; слово „тайлаха“ — в халхаском и восточнобурятском наре-

чий — в значениях „развязать“ и „открывать“, а в западном — только в значении „развязать“; „албан“ в монгольском в значениях „повинность“ и „служба“, а в западнобурятском — „подать“ и т. д.

Немаловажным фактором, вытекающим из закона семантической цепи, или цепного развития, является также и то, что в процессе своего постепенного совершенствования, развития и развертывания своего значения слово приобретает гибкость, увеличивается его возможность ассоциативной связи, сочетается с другими словами и становится разнообразной его стилистическая окраска. Так, например, в понимании западных бурят слово „албан“, имеющее в их наречии только значение „подать“, „эрхэ“ — значение „каприз, своеволие“ невозможно употребить в сочетаниях, как в халха-монгольском „албаны газарт ажил хийх“ „работать в учреждении“, „албаны хувцас“ „одежда“, „надеть форменную одежду“ или „эрх барих“ „иметь власть“, „эрхые олох“ „найти право“ и т. д. Все это могло быть воспринято, особенно западными бурятами, примерно в следующих нелепых и вызывающих недоумение значениях, „в податном месте работать“, „податную одежду надеть“, „поймать каприз“ и т. д.

Такое расширение сочетаемости слов с другими словами и возникновение необходимости разнообразного употребления слова в речевом контексте имеет огромное значение в смысле дальнейшего расширения семантической емкости языка, увеличения его потенциальных возможностей и грамматической гибкости. Ибо, по словам акад. В. В. Виноградова, „языковое творчество состоит и в изменении и перегруппировке фразеологических связей слов, в формировании новых контекстов их употребления“³⁸ и „вместе с ростом словаря в истории языка происходит качественное обогащение лексики“³⁹. Все это говорит о том, что роль семантики в развитии языка значительна, а потому изучению ее должно быть уделено подобающее ей место. «Семантика (семасиология) является одной из важных частей языкознания. Смысловая сторона слов и выражений имеет серьезное значение в деле изучения языка», — говорит И. В. Сталин в своем ответе т. Е. Крашенинниковой⁴⁰.

Это видно наглядно и на законе семантической цепи, который сыграл немаловажную роль в развитии монгольских языков. Он обладает своими, особыми функциями и по-своему определяет, как мы видели, развитие отдельных явлений языка. Но более того, этот закон, характеризующий особенности, присущими бурят-монгольскому языку, названными нами „семантическими разрывами“, или „выключением“, прокладывает между двумя родственными монгольскими языками, определившимися в настоящее время как самостоятельные национальные языки, пограничную лексическую линию, которая до сего времени нам представлялась расплывчатой и неясной. И такая специфичность упоминаемого нами закона могла определиться только из неравномерности развития словарного состава сравниваемых нами языков и развития языка путем постепенного пополнения старых слов новыми значениями, а не отмены их, т. е. развитием языка не как надстройки.

Таким образом, закон цепного развития и явление выключения, будучи опосредствованы в своих действиях и в своем возникновении особенностями словарного состава, стали одним из законов дальнейшего совершенствования и развития двух родственных монгольских языков, определившихся сейчас как национальные.

Май 1951 г.

³⁸ В. В. Виноградов, Основные понятия русской фразеологии, Труды юбилейной научной сессии, секция филологических наук, Л., 1946, стр. 64.

³⁹ В. В. Виноградов, Значение работ товарища Сталина для развития советского языкознания, Москва, 1950, стр. 27.

⁴⁰ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, изд-во «Правда», 1950, стр. 32.